

Глеб Иванович Успенский

Примерная семья

Глеб Иванович Успенский
Примерная семья
Серия «Очерки и
рассказы (1862–1866 гг.)»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664805

Аннотация

В этом рассказе Успенский показывает жизнь обывателей провинциального города, которых совсем не коснулись «веяния» пореформенного времени. Писатель возвращается к своей прежней теме – изображению жизни мелкого чиновничества – «моллюсков», но показывает ее на образце «примерной семьи». Однако картина оказывается не лучше...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Глеб Иванович Успенский

Примерная семья

На одной из улиц г. N стоит двухэтажный, необыкновенно узкий, как будто сдавленный с боков, трехконный дом; вверху – жилыцы, внизу хозяева. Как те, так и другие в мельчайших подробностях знают, что делается и даже думается в известную пору внизу или вверху: стоит наверху двинуть стулом и потом заскрипеть кровати – как внизу уже знают, что Марья Ильинишна легла спать, и т. д. Семейство хозяев состоит из вдовы, ее сына и его жены. Все это трио отличается необыкновенною тишиною нравов, признавая единственным законодателем и решителем всех вопросов исключительно маменьку; сама маменька с этим тоже вполне согласна; кроме этого, особенную, исключительную черту этой семьи составляет постоянное расстройство желудков и вообще крайне проховое телосложение¹: как будто материала, из которого вылеплены эти три существа, – отпущено было слишком мало, так что едва-едва хватило на всех, и то с весьма достаточною дозою воды; стоит взять одного из членов этой семьи за руку, чтобы получить ощущение мокрой губки. Такого рода телосложение заставляло членов этой семьи сызмальства ходить заткнув уши ватой, добиваться испарины и опасаться сквозного ветра; а так как подобного рода

¹ Проховое телосложение – рыхлое телосложение.

враги существуют постоянно, то постоянно и внимание было обращено исключительно на них; победа поэтому желалась только над ними, и, стало быть, полное счастье было при самых незатейливых условиях.

Сложилась эта примерная семья так: покойник Пискарев, занимавший какую-то теперь уже несуществующую должность, — оставил своей вдове дом, сына по одному году и крошечную пенсию. Положение вдовы было трудное: по смерти мужа ей одной приходилось иметь зубы, которые бы равнялись в сложности зубам обоих супругов, — потому что у ней попрежнему существовали куры, попрежнему со всех сторон существовали соседи и гнилые заборы, через которые куры будут летать точно так, как и при покойнике, только отбить их теперь будет много труднее, так как управлять приходится одной; вторая забота — надо воспитывать сына. Об этом нужно было уже думать и не ограничиваться одними зубами. Но господь помог ей в таких трудных обстоятельствах; к великому удивлению, куры хоть и перелетали через забор, но были возвращаемы при первых требованиях: один вид вдовы Пискаревой, с мужской продолговатой физиономией, украшенной круглыми медными очками и большим чепцом, вовсе не рисовал в ней ту разбитную соседку, которая обладает необыкновенно визгливым горлом, ежеминутную способность выступить в поход с ухватом и проч. Соседки пожалели даже покойника, ибо увидали, что все когда-то происходившие дебаты из-за кур происхождением своим обяза-

ны исключительно ему. Таким образом, дело с курами было улажено незаметно.

Вторая трудность – вырастить сына ~ трудность не малая, – но зато и плоды ее тоже неисчислимы: сумев достигнуть того, чтобы не знать ничего, кроме четырех стен своего жилища, вдова Пискарева достигла впоследствии полнейшего покоя, сделав единственного человека, который вязался с ее сердцем, – прямым порождением этих стен, почитателем их, ежеминутно страдавшим при всякой попытке сунуть нос на сторону. Маменька для него все: маменька сказала, что образ, который висит в передней и на котором, вследствие мрачнейшего письма, – Сеня ничего не мог разобрать, – что образ этот греческого писания, что такого образа теперича нигде сыскать невозможно, – и Сеня теперь умереть готов, если ему скажут иное... Помнит он, как раз в лютую зиму вошел в переднюю какой-то оборванный, в лохмотьях человек и начал жалобно болтать на каком-то, совсем не нашем языке: повр, повр, анфан, анфан² и проч. Маменька все говорила на это: «дома никого нету»; немец снова начинал канючить, а маменька снова орала ему: «говорят тебе, господа в город ушли». Немец долго стоял молча, ожидая помощи, но видя перед собой только изумленную рожу Сенечки и непрошибимое хладнокровие старухи, углубившейся в вязанье чулок, – вздохнул и вышел вон... Маменька тотчас побранилась с кухаркой, по тому поводу, что «не договорюсь, –

² *повр, повр, анфан, анфан...* (франц. *pauvre, enfant*) – бедный ребенок.

сколько ни говорю, — запирай двбри на крючок». Осмотрела, все ли цело в передней, не стянул ли немец салопа, и потом уже удовлетворила любопытство Сенечки, пристававшего с расспросами: «кто это такой?»

— А это, — говорила мать, — немец. Я сейчас его узнала по языку... Видел, какой у него язык-то — красный, как огонь, — и длинный, как змея? Не в пример православных языков длиннее!.. Вот ты, Сенюшка, и замечай, — как ежели увидишь у кого язык длинный и красный, знай, что это не наш крещен-человек, — а немец, и говорит-то он не по-нашему, — от этого ничего у них и не поймешь...

Сенечка слушал эту тираду о языках и нациях, — и если ему даже теперь сказать, что у его маменьки язык будет много подлиннее французского, и что она между тем отнюдь не француз, и бог между тем ее не наказывает, — он умрет, а не согласится. Таким-то образом все познания шли к Сенечке из рук матери, которая готовила их, так сказать, смаху, и притом с невыразимою быстротою. В гимназии Сенечка не высидел и двух лет: — в то время было трудное ученье, — науки были гораздо страшнее нынешних: то и дело раскраивались лбы, отрывались уши, выщипывались целые лысины детских волос. Сеня был комплекции слабой, — и материнское сердце, крепко болевшее над явственными признаками посещения Сениной головы наукою, решилось прекратить учение; одно уже оторванное ухо ясно говорило, что познаний Сенею захвачено настолько, что с ними легко можно

будет одолеть кой-какие чиновнические обязанности. Таким образом, из рук мамыши Сенечка был передан на руки канцелярских старожилов; один из всех молодых чиновников он не пьет водки, ходит в летнюю пору с ватой в ушах, не обнаруживает никаких молодых стремлений, попрежнему покупает чижей и ухаживает за ними. Жалованье все идет матери, и сыну оставляется сумма, потребная на покупку чижа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.